

Приглашение к размышлению

ПРОНЗИТЕЛЬНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ДОКУМЕНТ

Э. Ильенков, В. Коровиков. Страсти по тезисам о предмете философии (1954–1955). – М.: Канон+, 2016. – 272 с.

Г.Д. ЛЕВИН

В последние десятилетия в нашей стране проводится серьезная работа по воссозданию подлинной истории отечественной философии советского периода: переизданы работы выдающихся отечественных философов, вышли книги, посвященные анализу этих работ, вышла антология избранных статей, опубликованных в журнале «Вопросы философии» за первые 60 лет его существования – с 1947 по 2007 гг. Эта работа жизненно важна для самого существования отечественной философии: национальная философия, не знающая своей подлинной истории и не опирающаяся на нее в своем развитии, не вправе называться национальной философией. Хочу подчеркнуть, что поистине подвижническую работу ради восстановления нашей исторической памяти ведет академик В.А. Лекторский.

Рецензируемая книга является очередным вкладом в решение этой задачи. Но она занимает особое место в серии вышедших публикаций. Перед нами в известном смысле новый философский жанр. Сами составители книги называют ее «философским детективом»: «Потому что история отечественной философии в ее наиболее драматических, переломных моментах оказывается, при ее внимательном рассмотрении, вполне детективной»¹. Но это особый детектив – документальный. В книге осуществлена публикация и анализ реальных документов, относящихся к одному из ключевых этапов истории отечественной философии – дискуссии о предмете философии, проходившей в 1954–1955 гг. на философском факультете МГУ и в Институте философии АН СССР. В книге опубликованы частично сохранившиеся тезисы Э.В. Ильенкова и В.И. Коровикова, положившие начало этой дискуссии, протоколы и постановления партийных собраний и заседаний Ученых советов, на которых эти тезисы обсуждались, а также официальные заявления участников дискуссии и их письма в руководящие органы. Сбор, исследование и подготовка к публикации этих документов потребовали громадной технической работы. Но она окупилась: чтение книги создает ощущение присутствия на описываемых заседаниях, позволяет ощутить их эмоциональный накал и зримо представить, через какие испытания прошла отечественная фило-

софия к ее нынешнему состоянию. Поэтому название книги — «Страсти по тезисам» — вполне соответствует ее содержанию.

Ценности книге добавляет и анализ опубликованных в ней документов, осуществленный участником этих событий, учеником Э.В. Ильенкова, а ныне академиком В.А. Лекторским, дочерью Э.В. Ильенкова автором-составителем книги Е.Э. Иллеш, и И. Раскиным, философом, написавшим глубокую аналитическую статью «Страсти по предмету».

Но чтобы оценить место задокументированной в книге дискуссии в истории отечественной философии, недостаточно просто проанализировать ее содержание. Необходимо взглянуть на нее, что называется, с высоты птичьего полета, охватив и предшествующие ей, и следующие за ней события

Самым значительным событием, предшествующим этой дискуссии, была дискуссия под руководством А.А. Жданова о книге Г.Ф. Александра «История западноевропейской философии». Она продолжалась 10 дней — с 16 по 25 июня 1947 г. Современные историки отечественной философии вполне адекватно оценили ее цель. Диктатура большевиков, в отличие от других диктатур, обосновывала свое право на власть еще и философски. Эта роль была отведена философии диалектического материализма, теоретические основы которой заложили К. Маркс и Ф. Энгельс. Но чтобы она исправно выполняла свою роль, за ней осуществлялся строгий партийный контроль. В результате к 1947 г. единственной областью, в которой еще существовала живая профессиональная мысль, была история философии. Но за десять дней дискуссии порядок был наведен и здесь, причем не только в содержании курса истории философии, но и в преподавательском составе философского факультета МГУ. Суть этого порядка выразил Э.В. Ильенков, вспоминая о студенческих годах: «Меня учили запоминать фразы, а не понимать классиков марксизма-ленинизма»².

Прошло семь лет. И вот на еще «дымящемся пепелище» отечественной философии появились живые ростки: молодые, только что защитившиеся преподаватели — Э.В. Ильенков и В.И. Коровиков стали учить студентов не только запоминанию, но и пониманию фраз классиков марксизма. Это дало поразительные результаты. Слушатели лекций Ильенкова вспоминали: «Когда читает лекцию, аудиторию завораживает, это было живое мышление, демонстрация работы мысли»³. В итоге число слушателей спецкурса Ильенкова выросло с 70 до 200 человек: на него записался практически каждый третий студент факультета. И это при том, что на лекции других преподавателей студентов сгоняли угрозами. Над преподавательским коллективом факультета, а он состоял более чем из 70 человек, нависла реальная угроза студенческого бунта. Нужно было срочно что-то делать.

Основание для действий дали сами Ильенков и Коровиков: они написали тезисы, в которых предлагали отличную от принятой на факультете трактовку не какого-то третьестепенного вопроса, а самого предмета марксистской философии. При этом Э.В. Ильенков совершенно искренне и с полным основанием утверждал: «Своей

концепции я выдвигать не собираюсь, в лучшем случае я стремлюсь к одному только — дать четкое и внятное толкование тем высказываниям классиков, которые этому вопросу непосредственно посвящены»⁴.

А этому вопросу непосредственно посвящено следующее высказывание Энгельса: «Из всей прежней философии самостоятельное существование сохраняет еще учение о мышлении и его законах — формальная логика и диалектика»⁵. Для краткости я буду называть это высказывание *тезисом Энгельса*. Это не случайная его мысль, Энгельс повторяет ее трижды в трех основных своих философских произведениях. Согласие с ней выражает и В.И. Ленин. Но ведь диалектика (материалистическая диалектика или, что то же самое, диалектический материализм) — это философия марксизма. Ильенков делает отсюда совершенно логичный вывод: «Таким образом, предметом философии по Энгельсу являются закономерности теоретического мышления и ничего больше»⁶.

Казалось бы, преподаватели философского факультета должны были поблагодарить авторов тезисов за это толкование классиков марксизма и перестроить работу факультета в соответствии с ним. Но произошло другое: Коровикова и Ильенкова уволили с философского факультета, а от увольнения Ильенкова и из Института философии его спас только XX съезд КПСС, состоявшийся в 1956 г.

Важно различать три причины такой реакции коллег на предложение привести преподавание философии в соответствии с трижды повторенным Энгельсом и поддержанным Лениным определением материалистической диалектики, т.е. марксистской философии.

Первая — теоретическая. Ильенкову не могли забыть требование не посылать на преподавание философии отставных партийных функционеров, которые даже при желании не могли бы преподавать философию в соответствии с тем ее пониманием, которое защищали Ильенков и Коровиков. Вторая причина — прагматическая. Она осталась бы, даже если бы оппоненты Ильенкова и Коровикова были профессионалами семи пядей во лбу: положить в основу обучения студентов энгельсовское определение философии — значит оставить без работы едва ли не половину преподавателей факультета. Невольно вспоминается легенда о Великом Инквизиторе Ф.М. Достоевского: инквизитор знал, что перед ним настоящий Христос, но был готов уничтожить его ради сохранения своей власти. В.А. Лекторский так описывает эти две причины: «Это было противостояние людей, которые занимались настоящей философией, и тех, кто никаких идей не имел, кроме одной — отстоять свое существование, свое положение, продемонстрировать свою ортодоксальность»⁷.

Но главную причину той трагедии, которую пережили Ильенков, Коровиков и их единомышленники, можно увидеть, если задать обычный по нынешним меркам вопрос: а верен ли тезис Энгельса? Для Ильенкова, которому в 1954 г. было лишь 30 лет, этого вопроса не существовало. Он был убежденным марксистом, свято верящим в следующее, когда-то хрестома-

тийное положение В.И. Ленина: «В этой философии марксизма, вылитой из одного куска стали, нельзя вынуть ни одной основной посылки, ни одной существенной части, не отходя от объективной истины, не падая в объятия буржуазно-реакционной лжи»⁸. Но ведь это была откровенная неправда. Маркс планировал изложить свое философское мировоззрение на 4–5 печатных листах, но так и не успел это сделать. Энгельс обратился к собственно метафизическим, «диаматовским» проблемам лишь в конце жизни, а тридцатисемилетний Ленин до «Материализма и эмпириокритицизма» профессионально философией не занимался.

Значит, диалектический материализм в текстах классиков марксизма существовал лишь как программа — и первая, начальная стадия ее реализации. Чтобы превратить ее в целостное философское учение, занимающее достойное место в системе мировой философии, необходимо было развить содержащиеся в ней выдающиеся идеи, додумать до конца лишь намеченные, а также исправить ошибки.

Нужно признать очевидное: среди оппонентов Ильенкова и Коровикова были не только непрофессионалы и карьеристы, но и профессиональные, по-настоящему талантливые исследователи, карьере которых перестройка принципов преподавания философии в соответствии с тезисом Энгельса ничем не угрожала. Я имею в виду, например, научного руководителя Э.В. Ильенкова, Т.И. Ойзермана, «хитрого мудреца», как назвал его Ильенков в письме к жене. Я тоже учился у Теодора Ильича, и у меня есть серьезные основания подозревать, что он задолго до Ильенкова попытался не только запоминать, но и понимать тексты классиков марксизма. Результаты этого понимания он решился опубликовать лишь после краха диктатуры диамата.

Но Ильенков 1954–1955 гг. пытался увидеть в тезисе Энгельса именно то, о чем писал Ленин: часть единого целого, неразрывно связанную с другими его частями, в частности, со следующим также хрестоматийным положением Энгельса: «Диалектика и есть не более как наука о всеобщих законах движения и развития природы, человеческого общества и мышления»⁹. С точки зрения здравого смысла, совместить эти два определения диалектики невозможно: мышление входит в триединство мышления, природы и общества как часть в целое, а наука о части целого не может быть одновременно и наукой о целом. Но Ильенков верил, что Энгельс совместил эти определения в своем сознании, и хотел лишь понять, как он это сделал.

Он подошел к решению этой задачи со всей мощью своего таланта и философской методологии, которой владел. Вот его логика: «Поскольку исторически складывающиеся закономерности теоретического мышления являются аналогом объективных закономерностей, постольку и остается справедливым общее определение философии как науки о наиболее общих закономерностях природы, общества и сознания»¹⁰. Мысль об «аналогичности» законов мышления законам

бытия он выразил позднее в классической, идущей еще от Парменида формуле «тождество мышления и бытия»¹¹. Эту формулу затем использовал Гегель, а от него она перешла в марксистскую философию.

Однако при попытке согласовать с помощью этой формулы два энгельсовских определения диалектики возникает терминологическая трудность: ни в первом, ни во втором из них нет термина «бытие». Но это легко уладить, если принять, что бытие — это природа и общество, взятые в единстве. Тождество мышления существующему вне него единству природы и общества — это и есть тождество мышления бытию.

Дальше все просто: поскольку мышление тождественно бытию, постольку наука о законах мышления тождественна науке о законах бытия. Следовательно, создавать науку о бытии после того, как создана наука о мышлении, значит дублировать уже проделанную работу. Отсюда и еще одно интересное следствие: «отпочкование» от философии «положительных» наук не лишает ее права на существование, если понимать философию как науку о мышлении, ибо она «сама приобретает характер положительной науки о совершенно определенном круге закономерностей, а именно, закономерностей мышления»¹². Итак, тезис смел и красив. Дело за аргументами.

Здесь все зависит от того, как понимать категорию «тождество». Это одна из ключевых категорий и в мировой философии, и в диалектическом материализме. Ильенков посвятил ее анализу одну из самых известных своих статей¹³. Моя цель — показать, что именно в ходе филигранного анализа этой категории и настойчивых попыток показать с ее помощью, что оба энгельсовских определения диалектики верны и не противоречат друг другу — произошел качественный скачок в эволюции Ильенкова: превращение его из исследователя, стремящегося лишь «понять классиков», в выдающегося самостоятельного мыслителя отечественной философии послевоенного периода.

Чаще всего термином «тождество» обозначают отношения «тот же самый» или «одно и то же». В этом смысле говорят, например, о тождестве Утренней звезды Вечерней звезде. Если тождество мышления и бытия понимать в этом смысле, то учение о мышлении совпадет с учением о бытии, так сказать, по определению. Но Ильенков отвергает эту трактовку: «тождество в диалектике вообще (в том числе и в гегелевской) вовсе не есть метафизическое “одно и то же”»¹⁴. Я, правда, не понимаю, почему тождество Утренней звезды Вечерней звезде метафизическое, ну да ладно.

Во втором, также весьма распространенном смысле, тождеством называют полное, неразличимое сходство нетождественных, нумерически различных предметов, например, двух монет одной чеканки. При таком понимании тождества мышления и бытия наука о бытии, при наличии науки о мышлении, тоже окажется излишней. Но Ильенков отвергает и это понимание тождества: мышление не является дубликатом бытия.

Третье понимание тождества выступает в выражении «тождество противоположностей». Противоположности, например, металлы и неме-

таллы, не тождественны ни в первом, ни во втором смысле; они просто сходны в своих родовых признаках. Если понимать тождество мышления и бытия как сходство их родовых признаков, то учение о мышлении будет лишь соответствовать учению о бытии, но не будет дублировать его. Учение о бытии все равно понадобится. Следовательно, философия должна состоять из двух различных, но взаимосвязанных частей: учения о мышлении (гносеологии) и учения о бытии (онтологии). Но, по Энгельсу, учение о бытии должны создать «положительные науки». А как же быть с определением диалектики как науки о наиболее общих законах природы, общества и мышления? В общем, Ильенкову не позавидуешь.

Чрезвычайно важно видеть, что Ильенков отвергает и понимание тождества мышления и бытия как сходства их родовых признаков: «Известно, к чему могут привести и приводят попытки установить какую-то особую сущность, которая была бы и не мышлением и не материальной действительностью, но в то же время составляла их общую субстанцию, то «третье», которое один раз проявлялось бы как мысль, а другой раз — как бытие»¹⁵. Здесь он приводит свою трактовку тождества мышления и бытия в соответствии с ленинской критикой третьей линии в философии. Получается, что мышление и бытие противоположности, но такие, которые не имеют общего родового содержания. В чем же тогда состоит их тождество?

В поисках ответа на этот вопрос Ильенков обращается к четвертому пониманию тождества мышления и бытия, представленному Энгельсом в следующем пассаже: «В состоянии ли наше мышление познавать действительный мир, можем ли мы в наших представлениях и понятиях о действительном мире составлять верное отражение действительности? На философском языке этот вопрос называется вопросом о тождестве мышления и бытия»¹⁶. Получается, что вопрос о тождестве мышления и бытия — это вопрос, достижимо ли истинное знание о мире. Но истина в материализме понимается как знание, соответствующее своему предмету. Получается, что тождество мышления бытию — это соответствие истинного знания своему предмету. Причем, чтобы избежать обвинения в проповеди третьей линии, необходимо утверждать, что у истинного знания и его предмета нет общих родовых признаков.

Итак, Ильенков различает четыре смысла формулы «тождество мышления и бытия»: 1) мышление и бытие — это буквально одно и то же; 2) это две сущности, неразлично сходные между собой; 3) это виды одного рода, сходные в своих родовых признаках; 4) это истинное знание и его предмет, соединенные отношением соответствия, но не имеющие между собой общих родовых признаков.

Из этих четырех смыслов формулы только первые два позволяют утверждать, что знание о законах мышления является одновременно и знанием о законах бытия. Но Ильенков с полным основанием отвергает их. Трактовку тождества мышления и бытия как сходства их родовых признаков он тоже отвергает — ради сохранения верности ленинской критике

третьей линии в философии. Остается трактовка тождества мышления бытию как отношения соответствия между знанием и его предметом, причем в предположении, что между ними нет родового сходства. Но из такого понимания тождества вывод, что два энгельсовских определения диалектики не противоречат друг другу, вообще никак не следует.

Итак, несмотря на всю мощь своего таланта и фундаментальность используемых методологических принципов, Ильенкову не удалось решить по существу нерешаемую задачу: вписать в систему материалистической философии позитивистский по своей сути тезис, согласно которому философия диалектического материализма сводится к теории познания.

Признал ли Ильенков эту свою неудачу? В.А. Лекторский со свойственной ему тактичностью так пишет об этом: «Я не знаю ни одной его публикации или выступления, в которых бы он дезавуировал свое понимание философии, высказанное в 1954–1955 гг. Но вместе с тем, как мне представляется на основании его более поздних публикаций, можно сделать вывод о том, что Эвальд Васильевич фактически существенно расширил свое раннее понимание философии»¹⁷. Можно показать по другим работам Ильенкова, что он так же «молча» отказался и еще от одного «положения классиков», согласно которому у мышления и бытия нет общего родового содержания. И это раскрепостило его, позволило монистически истолковать два в известном смысле противоположных процесса: познание и практику. Вот это раскрепощение я и считаю главным, хотя и отдаленным результатом диспута 1954–1955 гг. о предмете философии. Он столкнул творческих и честных исследователей не только с невеждами и циничными, ни во что не верящими карьеристами, но и с непродуманными до конца положениями самих классиков марксизма. Это столкновение поставило их перед выбором: либо, уже не веря в истинность этих положений, продолжать цинично защищать их, либо развивать философию диалектического материализма, разрабатывая ее ценные идеи, додумывая до конца непродуманные и исправляя ошибки. Именно здесь критерий для различения догматического диамата и творческого. Власть в философии до начала 90-х была в руках тех, кто сделал первый выбор. Ильенков сделал второй. Это привело к тому, что он работал в окружении обвинений в отступлении от марксизма.

В то же время подавляющее большинство творчески мыслящих отечественных философов использовали освобождение от гнета догматического диамата не для свободного развития его рациональных идей, а для полного отказа от него и попыток решать актуальные философские проблемы на основе других философских систем: аналитической философии, прагматизма, феноменологии и т.д. Это положительная тенденция. Но чуда она не принесла. Никаких принципиальных преимуществ по сравнению с тем диалектическим материализмом, который разрабатывал Ильенков и его единомышленники, в них не обнаружилось. Нередко выяснялось, что теоретический уровень этих концеп-

ций ниже уровня даже не идеального, а реального диалектического материализма, а иллюзия новаторства достигается за счет обозначения новыми терминами давно известных вещей.

Это осознание влияет на дальнейшую судьбу диалектического материализма. Появляется возможность, не опасаясь обвинений в обскурантизме, современными средствами продолжить реализацию программы, которую сформулировали и начали реализовывать классики марксизма и которую в условиях идеологического гнета реализовывали три поколения талантливых, честных и, что принципиально важно, мужественных отечественных философов. Реализация этой возможности позволила бы поставить диалектический материализм в ряд современных философских систем.

Я усматриваю признаки реализации этой возможности и во все более твердых голосах в защиту реализма, и в росте числа книг, посвященных ведущему материалисту XIX в. К. Марксу, и в переиздании работ, написанных отечественными философами второй половины XX в., и в публикации рецензируемой книги, содержащей пронзительные исторические документы, относящиеся к одному из ключевых этапов истории отечественной философии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ильенков Э., Коровиков В. Страсти по тезисам о предмете философии (1954–1955). – М.: Канон+, 2016. С. 2.

² Там же. С. 42.

³ Там же. С. 15.

⁴ Там же. С. 201.

⁵ Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К. Энгельс Ф. Соч. 2 изд. Т. 20. С. 25. – М.: Политиздат, 1961.

⁶ Ильенков Э., Коровиков В. Страсти по тезисам о предмете философии. 1954–1955.

⁷ Лекторский В.А. Глазами очевидца (Вместо предисловия) // Ильенков Э., Коровиков В. Страсти по тезисам о предмете философии (1954–1955). С. 13.

⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 346.

⁹ Энгельс Ф. Анти-Дюринг. С. 145.

¹⁰ Ильенков Э., Коровиков В. Страсти по тезисам о предмете философии (1954–1955). С. 189.

¹¹ «Мыслить и быть – одно и то же». Фрагменты ранних греческих философов. – М.: Наука. С. 287.

¹² Ильенков Э., Коровиков В. Страсти по тезисам о предмете философии (1954–1955). С. 203.

¹³ См.: Ильенков Э.В. Вопрос о тождестве мышления и бытия в домарксистской философии // Диалектика – теория познания. Историко-философские очерки. – М., 1964. С. 21–54.

¹⁴ Там же. С. 22.

¹⁵ Ильенков Э., Коровиков В. Страсти по тезисам о предмете философии (1954–1955). С. 25.

¹⁶ Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии // Маркс К., Энгельс Ф., 2-е изд. Т. 21. С. 283.

¹⁷ Лекторский В.А. Вместо заключения. О судьбе философии // Ильенков Э., Коровиков В. Страсти по тезисам о предмете философии (1954–1955). С. 241.